

Алексей Вдовин

«Деревенский детектив»:

«УГОЛОВНЫЕ РАССКАЗЫ» О КРЕСТЬЯНАХ
1850-х ГОДОВ И ИСТОКИ КРИМИНАЛЬНОЙ ПРОЗЫ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ¹

Alexey Vdovin

«Village Detective Story»: The Origin of Crime Fiction About Peasants in the Russian Empire of the 1850s

Алексей Вдовин, Школа филологических наук, Факультет гуманитарных наук, НИУ ВШЭ (Москва), доктор филологических наук, PhD, профессор
avdovin@hse.ru

Alexey Vdovin, HSE University, Moscow, School of Philological Sciences, PhD, Doctor Habil., Professor
avdovin@hse.ru

Ключевые слова: уголовный роман, детектив, рассказы о крестьянах, судебная реформа в Российской империи, И.В. Селиванов, А.Ф. Писемский

Keywords: crime fiction, detective fiction, stories about peasants, the judicial reform in the Russian Empire, Ilya Selivanov, Alexei Pisemsky

УДК: 821.161.1

DOI: 10.53953/08696365_2025_194_4_76

UDC: 821.161.1

DOI: 10.53953/08696365_2025_194_4_76

В статье впервые подвергнута жанровому, нарратологическому и контекстуальному анализу серия уголовных рассказов 1850-х годов А.Ф. Писемского и И.В. Селиванова о крестьянах и мещанах. Выявление сюжетной ситуации расследования преступления, когда следствие ведет исправник или следователь по особым поручениям, а преступник становится известным читателю ближе к концу повествования, позволяет считать эти тексты наиболее ранней стадией формирования жанра уголовной прозы, периодом рождения которой традиционно считается конец 1860-х — начало 1870-х годов. Причинами более раннего, чем предполагалось, возникновения жанра (своего рода «протодетектива») следует считать подъем «рассказов о крестьянах», моду на «обличительную литературу» и принципиальные изменения в теории судопроизводства, начавшиеся за 10 лет до самой реформы 1864 года. Статья предлагает развернутое объяснение, почему ранние уголовные рассказы обращались именно к простонародному быту как источнику для повествования о преступлениях и их расследовании.

The article analyzes a series of crime fiction stories of the 1850s written by Alexei Pisemsky and Ilya Selivanov about peasants and common people. Using genre, narratological and contextual analysis, the author identifies the basic plot of these stories as a crime investigation, when the investigation is conducted by a district police officer or an investigator on special assignment, and the identity of the criminal becomes known to the reader closer to the end of the story. This fact allows us to consider these texts as the earliest stage in the formation of the genre of crime fiction, the birth time of which is traditionally considered to be the late 1860s — early 1870s. The reasons for the earlier than expected emergence of the genre (a kind of proto-detective) should be considered the rise of the genre of «stories about peasants», the fashion for «denunciatory literature», and fundamental changes in judicial theory that began 10 years before the 1864 reform itself. The article offers a detailed explanation of why early crime narratives drew on the common people's everyday life as a source for crimes and their investigation.

Когда в Российской империи возник жанр детектива? Благодаря разысканиям историков литературы ответ на этот вопрос вроде бы давно и хорошо известен. Как показал А.И. Рейтблат, отечественная разновидность детективного жанра

1 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00184, <https://rscf.ru/project/24-28-00184/>.

появилась в 1860-е — первой половине 1870-х годов и была сложным образом связана с капиталистической урбанизацией и судебной и другими реформами в Российской империи². Именно в этот период формируется жанр уголовной прозы (романа или рассказа), в центре которой находился процесс расследования преступления и который стал своего рода протодетективом. Недавняя монография К. Уайтхед подтверждает и существенно расширяет наблюдения Рейтблата, уделяя особое внимание нарративным стратегиям, компаративному фону и способам конструирования следственного авторитета в уголовной прозе второй половины XIX века³. Вслед за Уайтхед, я различаю жанры уголовной прозы и детектива, которые хотя и имеют точки пересечения, все же являются самостоятельными⁴. Если понятие «детектив», появившееся значительно позже, предполагает описание того, как решается некоторая загадка (не обязательно преступление), то наименование «уголовный роман/рассказ» циркулировало уже в подзаголовках и критике эпохи реформ и обозначало повествование о расследовании преступления⁵. В связи с этим вынесенное в заглавие статьи выражение «деревенский детектив» не следует понимать буквально: оно взято в кавычки не случайно и указывает на то, что рассматриваемые в статье произведения более корректно рассматривать прежде всего как принадлежащие к жанру уголовной прозы, а их детективный компонент отсылает всего лишь к ситуации расследования. Тем не менее в некоторых местах статьи понятия «уголовная проза» и «детектив» будут использоваться как частичные синонимы — как смежные и типологически родственные жанры.

В теоретически стройной и подкреплённой многочисленными текстами версии происхождения российского уголовного романа есть, однако, фактографическая лакуна. Изложенная концепция никак не учитывает существование в 1850-е годы нескольких рассказов, в которых самым непосредственным образом в центре повествования находится расследование преступлений. Речь идет о рассказе А.Ф. Писемского «Леший» (1853) и как минимум трех рассказах ныне малоизвестного автора И.В. Селиванова. Любопытно, что составитель сводной библиографии всех российских детективов за более чем 150 лет Г.К. Пилюев называет рассказ Селиванова 1857 года «Замечательное психологическое явление» «первой книгой русского детектива»⁶, а издатели и комментаторы сборника произведений Селиванова также включают этот и другие его рассказы в число «первых русских детективов»⁷. Характерно и то, что причисление Селиванова к сонму первых российских «детективщиков» происходит практически без аргументации: только указанные авторы вступительной

-
- 2 См.: *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 297–298.
 - 3 См.: *Whitehead C.* The poetics of early Russian crime fiction 1860–1917: deciphering stories of detection. Cambridge: Legenda, 2018. См. также рец.: *Рейтблат А.И.* Дореволюционная русская уголовная проза глазами нарратолога // Новое литературное обозрение. 2022. № 3 (175). С. 343–350.
 - 4 См.: *Whitehead C.* The poetics of early Russian crime fiction... Р. 8.
 - 5 См.: *Мусеев П.А.* Поэтика детектива. М.: Издательский дом ВШЭ, 2017. С. 11–12; *Whitehead C.* The poetics of early Russian crime fiction... Р. 9.
 - 6 *Пилюев Г.К.* Русский детектив: Библиография 1857–1991. М.: Миллиорк, 2009. С. 307.
 - 7 *Пивцайкина О.В., Сульдина Л.В.* Илья Васильевич Селиванов — «чужак», обличивший эпоху // Селиванов И.В. Провинциальные воспоминания: Из записок Чудака / Сост., вступ. ст. и коммент. О.В. Пивцайкиной и Л.В. Сульдиной. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2014. С. 47.

статьи упоминают наличие крепкой интриги и описание расследования в качестве необходимых критериев для своего вывода. В существующих работах об истории и генеалогии российского детектива мне также не удалось найти детального описания его ранней фазы⁸.

В предлагаемой статье меня интересует очень короткий отрезок истории российской криминальной прозы (1850-е — самое начало 1860-х годов), когда в результате либерализации, гласности и подготовки судебной реформ возник необычайно насыщенный рынок литературной продукции, в которой уже различимы черты в будущем популярного жанра — уголовного романа. Примечательно, что на раннем этапе тексты этого типа были сравнительно короткими (рассказы и повести), а преступления по сюжету совершались и расследовались в простонародной, преимущественно крестьянской среде. Это обстоятельство требует объяснения, ведь, как было сказано выше, своим рождением европейский детектив был обязан урбанизации и полицейскому надзору в больших городах. Как я попытаюсь доказать, рассказы Писемского и Селиванова, ставящие в центр повествований расследование преступлений в деревнях и селах, позволяют увидеть нереализованную или, скажем осторожнее, не до конца воплощенную линию развития криминального жанра в Российской империи. Я также покажу, что она была тесно связана с расцветом жанра рассказа из крестьянского быта и одновременно с идеологией грядущих Великих реформ — существенными изменениями в теории и практике судопроизводства накануне Судебной реформы 1864 года.

Следует сделать важную оговорку. Задача моей статьи не столько в том, чтобы во что бы то ни стало удлинить историю жанра на русской почве и назначить других, нежели Н.М. Соколовский, П.И. Степанов, А.А. Шкляревский, писателей на роль его зачинателей. В конце концов, в науке сложился относительный консенсус: предшественником «классического» детектива в Российской империи был уголовный роман, название и сюжетные модели которого были импортированы из Европы, и массовая публикация такого типа текстов началась лишь в 1860-е годы. Все единичные произведения, содержащие описание уголовного расследования и опубликованные до рубежного периода, могут считаться лишь его отдаленными предшественниками — подобно тому, как рассказы Э.Т.А. Гофмана и особенно Э.А. По считаются ранними прообразами будущего «классического» детектива наподобие рассказов о Шерлоке Холмсе. Изучение таких ранних образцов помогает лучше понять, чего именно им не хватало, чтобы закрепиться в литературном каноне в качестве родоначальников жанра. Не менее важно, как показывает Ф. Моретти в работе о ключевой роли дешифруемых уликов в рассказах А. Конан-Дойла, исследовать синхронных конкурентов, пишущих в одном жанре⁹. Это позволяет выявить, благодаря каким формальным инновациям и приемам детектив принял тот вид, который мы сейчас знаем и любим, а не востребованные типы криминальной прозы ушли на второй план.

8 См.: *Peйтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту...; *McReynolds L.* «Who Cares who Killed Ivan Ivanovich?»: The Literary Detective in Tsarist Russia // *Russian History*. 2009. Vol. 36. P. 391–406; *Мусеев П.А.* Поэтика детектива. С. 115–127; *Whitehead C.* The poetics of early Russian crime fiction...

9 См.: *Моретти Ф.* Литературная бойня // Моретти Ф. Дальнее чтение / Пер. с англ. А. Вдовина, О. Собчука и А. Шели. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. С. 103–137.

Сюжетика и наррация

Прежде всего рассмотрим сюжетную и нарративную структуры рассказов Писемского и Селиванова. Если перед нами уголовная проза, в центре сюжета должен оказаться сам процесс расследования.

В «Лешем» Писемского (пожалуй, наиболее известном произведении из всех обсуждаемых в статье) капитан-исправник Иван Семеныч расследует загадочное исчезновение крестьянки Марфы, которую утаскивал леший, в результате чего она сделалась кликушей. Как показывает следствие, лешим оказывается не кто иной, как сластолюбивый бурмистр Егор Парменыч. Его преступление в начале повествования не раскрывается, и он проходит лишь как один из нескольких опрашиваемых свидетелей. Однако по мере того, как исправник проводит допросы потерпевшей, ее матери и других, ему и читателю открывается истина.

В первом из интересующих нас рассказов Селиванова «Замечательное психологическое явление»¹⁰ безымянный следователь точно так же проводит расследование убийства — на сей раз мещанки Екатерины. На первом же допросе ее сестра Лизавета обвиняет в содеянном жениха Екатерины чиновника Тулубина. Читатель до самого последнего момента должен подозревать Тулубина, хотя в тексте проступают нестыковки и странности такой версии. Только в самом конце рассказа на оглашении приговора в суде Лизавета внезапно, будучи разочарованной приговором, открывает, что она убила сестру из-за неразделенной любви к Тулубину, чтобы устранить конкурентку и оказаться с ним вдвоем в Сибири.

В следующем рассказе Селиванова «Два трупa»¹¹ в центре сюжета снова располагаются последствия преступления — двойного убийства крестьянином Емельяном своей жены и нищего старика, случайно оказавшегося свидетелем первого злодеяния. Емельян инсценировал якобы покушение жены на его жизнь и последующее ее самоубийство (в реке), так что становому приставу приходится долго вести допросы половины деревни, проводить очные ставки, чтобы лишь в конце «расколоть» истинного убийцу¹².

Третий рассказ Селиванова «Волчья долина»¹³ отклоняется от описанной схемы расследования в двух отношениях. Во-первых, его первая половина посвящена описанию воровского притона, в котором в уездном городке сходятся для обсуждения насущных дел представители криминального мира и правопорядка. Во-вторых, во второй части повествования главный сыщик города расследует кражу бриллиантов княгини Нехлюдовой опытным вором Голова-

10 Впервые: Русский вестник. 1857. Т. IX. № 12. Июнь. Кн. 2. Название, возможно, отсылает к циклу коротких новелл М.П. Погодина «Психологические явления» (1832), среди которых есть короткое происшествие под названием «Любовь» — о колоднице, которая возвела на себя ложные преступления, только чтобы не разлучаться с любимым ей преступником.

11 Впервые под названием «Два убийства»: Современник. 1861. № 5.

12 Сюжеты двух этих рассказов попали в поле зрения М.А. Кучерской как возможный источник перипетии «Леди Макбет Мценского уезда» Н.С. Лескова (см.: Кучерская М.А. Литературная стратегия Лескова: случай «Леди Макбет» // Русская литература. 2017. № 2. С. 45–46).

13 Впервые: Селиванов И.В. Провинциальные воспоминания. М.: Тип. Каткова и К°, 1857. Ч. 1.

ном и его сообщником. На сей раз само преступление подробно описывается нарратором, что переносит фокус читательского внимания с обнаружения преступника на коррумпированность городской полиции и сыска, а также на случайные обстоятельства, которые помещали Головану и компании успешно совершить кражу и сбыть награбленное.

Как видно, четыре текста по типу сюжета распадаются на две группы. «Леший», «Замечательное психологическое явление» и «Два трупа» могут быть объединены в первую, поскольку их сюжет строится вокруг расследования преступления, предвосхищая тем самым будущий жанр «уголовного романа». С будущим жанром детектива их роднит то, что в них до конца сохраняется интрига за счет фрагментации и дефицита информации, в результате у читателя возникает любопытство, которое двигает сюжет и удовлетворяется лишь в финале¹⁴. Рассказ «Волчья долина» явно стоит особняком и за счет описания коррупционных схем имеет больше сходств с модной в конце 1850-х годов «обличительной литературой», к которой критика причисляла и Селиванова. Тем не менее вторая сюжетная линия, в которой Голован с подельниками тщательно выстраивают план ограбления, но при его осуществлении кое-что идет не так, напоминает о втором типе дизайна уголовной прозы — саспенсе, когда дефицит информации касается событий, которые произойдут с главными героями в будущем¹⁵.

Не менее интересно на фоне последующей традиции Писемский и Селиванов пользуются и фигурой повествователя. Как отмечает Уайтхед, в русской уголовной прозе второй половины XIX века доминировала фигура рассказчика-следователя¹⁶. Фигура гетеродигетического нарратора тоже встречалась, хотя и редко. А вот третий вариант, прославленный Конан-Дойлем в лице доктора Ватсона, возник лишь в подражающих самому Дойлу текстах начала XX века.

В ситуации 1850-х годов, когда никакого уголовного жанра еще не сложилось, а должность судебного следователя еще не была официально учреждена (это случится лишь в 1860 году), мы наблюдаем конкуренцию обоих типов повествующих инстанций — и фигуру следователя, являющегося первичным нарратором, или капитана-исправника, выступающего вторичным у Писемского, и гетеродигетического повествователя у Селиванова. Примечательно, что последний в наиболее «детективных» своих рассказах демонстративно отказывается от маркеров субъективно-авторского стиля и от какой бы то ни было идентифицируемой авторской персоны. Лишь в «Замечательном психологическом явлении» нарратор вскользь замечает, что спустя несколько лет после описываемых событий оказавшись в *** губернии, он застал Тулубина в должности секретаря¹⁷.

Если в начальных рассказах «Провинциальных воспоминаний», составивших первую часть будущего трехтомника, по меньшей мере три текста написаны от первого лица — чиновника уездного города Картолюбова (прототип — Саранск), то во второй и третьей частях доминирует гетеродигетическая наррация от имени всеведущего автора. Конечно, все три тома очерков Селива-

14 См.: Whitehead C. The poetics of early Russian crime fiction... P. 90.

15 См.: Ibid.

16 См.: Ibid. P. 76.

17 Селиванов И.В. Провинциальные воспоминания: Из записок Чудака. С. 227. Статус нарратора здесь может трактоваться двояко: он либо бывший сослуживец Тулубина, либо просто обыватель, которому известно о деле.

нова находятся в тени вымышленной фигуры 60-летнего «провинциального чудака», который много лет назад якобы сочинил, но не опубликовал их. Однако из-за игры различными масками и отсутствия единой фигуры рассказчика этот прием, восходящий к романтическим циклам 1820–1830-х годов, выглядит анахронизмом. Можно предполагать, что Селиванов укрылся за маской издателя записок, чтобы максимально обезопасить себя от цензуры и упреков со стороны реальных прототипов (сослуживцев и жителей Саранска): очерки были социально острыми и панорамировали широкий спектр чиновничьих злоупотреблений¹⁸.

Расследование, судопроизводство и жанр

Как отмечают теоретики и историки жанра, поэтика и идеология уголовной и детективной прозы всегда сложным образом связана с социокультурным контекстом и с представлениями о правосудии и судопроизводстве XIX века. Фигура чиновника-следователя и сам процесс расследования манифестируют государственную власть и ее дисциплинирующий аппарат, противостоящие произволу индивидов, если они преступают закон и нарушают социальный порядок¹⁹. Читаемые в такой перспективе, рассказы Писемского и Селиванова содержат богатый материал, позволяющий вскрыть и описать не всегда очевидные корреляции между процедурой расследования преступлений, жанром и реальными практиками судопроизводства в Российской империи.

Прежде всего бросается в глаза, какую принципиальную роль в рассказах Писемского и Селиванова играют фигуры профессиональных расследователей: у Писемского это капитан-исправник Иван Семенович, у Селиванова — «губернский следователь» («Замечательное психологическое явление»), «сыщик» (в «Волчьей долине»), «становой пристав» («Два трупа»). В дореформенной России до учреждения в июне 1860 года должности судебных следователей капитаны-исправники, становые приставы или специально назначаемые губернатором следователи осуществляли широкий круг следственных и дознавательных полномочий, когда в сельской местности случались преступления или несчастные случаи. В анализируемых рассказах многие процедуры описаны достаточно подробно: это и опознание и вскрытие тел (к которому по протоколу подключаются фельдшер и доктор), и допросы свидетелей и подозреваемых (особенно детально они описаны в «Двух трупах»), и осмотры места преступления с интерпретацией найденных улик, и проведение очной ставки между разными подозреваемыми (например, яркая сцена ставки Тулубина и Елизаветы в «Замечательном психологическом явлении»)²⁰. Наконец, к этому списку следует присовокупить и необычный прием, пришедший в голову становому приставу в «Двух трупах»: столкнувшись с категорическим и отчаянным отказом Емельяна признавать вину, он вместе со священником проводит

18 О смежной, но во многом отличной повествовательной манере в «Губернских очерках» М.Е. Салтыкова см. недавнюю статью: *Зубков К.Ю.* «Случайная действительность» в эпоху реформ: «Губернские очерки» М.Е. Салтыкова-Щедрина и проблема литературной репутации // *Русский реализм XIX века: общество, знание, повествование* / Отв. ред. М. Вайсман, А.В. Вдовин, И. Клигер, К.А. Осповат. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 181–209.

последнее увещевание крестьянина в душевной избе, где лежат останки убитой²¹, и угрожает оставить Емельяна вместе с ними на всю ночь²². Не выдерживающий психологического давления, подозреваемый умоляет не оставлять его и сознается в содеянном.

Особое место в этом списке занимают улики. Мало того что повествователь постоянно фиксирует внимание читателя на их сборе, само слово несколько раз возникает в рассказах «Замечательное психологическое явление» и «Два трупа»:

Хотя преступление Тулубина было явно, Уголовная палата не признала, однако, возможным, основавшись на одних уликах (курсив здесь и далее наш. — А.В.), обвинить его как убийцу. Многие осуждали за это Уголовную палату, видя в действиях ее потворство преступнику, тем более что упорство, с каким Лизавета обвиняла Тулубина, не позволяло сомневаться в его преступлении. Оно было слишком явно. В этом соглашались и все члены палаты; но и обвинить, по духу нашего законодательства, тоже было невозможно. Палата постановила следующее заключение: «Тулубина, принимая в соображение все обвиняющие его улики, оставить в сильнейшем подозрении»²³.

Начался допрос, страшный в своих подробностях. Несмотря на явную улику, на вопли толпы, раздававшиеся снаружи, Емельян стоял на своем, что он невинен... Когда обвинение высказано было ему прямо, он как будто в самом обвинении нашел новую силу. Спокойно рассказал он те же самые подробности, какие рассказывал прежде о намерении жены его зарезать²⁴.

Селиванов обильно черпал выражения и понятия из судопроизводственного стиля, что было неудивительно: в начале 1840-х годов он служил саранским судьей, а с 1856 по 1861 годы состоял председателем Московской палаты уголовного суда²⁵. Этот важнейший контекст и, несомненно, источник сюжетов для прозы писателя очевиден и неоднократно обсуждался исследователями²⁶,

19 Whitehead C. The poetics of early Russian crime fiction... P. 51–52.

20 Приему очной ставки и ее изображению в уголовной прозе Соколовского, Тимофеева и Панова посвящены интересные наблюдения в книге Уайтхед (Whitehead C. The poetics of early Russian crime fiction... P. 96–97).

21 Следует отметить, что нарратор Селиванова не фокусирует внимание на описании насилия над женским телом. Эта практика возникает, судя по всему, гораздо позже, в 1870-е годы, и недавно была описана в статье: Whitehead C., Docherty G. Bodies of Evidence: The Depiction of Violence Against Female Characters in Late Imperial Russian Crime Fiction // Modern Languages Open. 2023. Vol. 25. № 1. P. 1–22.

22 Селиванов И.В. Провинциальные очерки. С. 657–658. Отмечу, что психологическое давление и выбивание признательных показаний было абсолютно законной и прописанной в уставе следственной практикой до реформы 1864 года.

23 Там же. С. 224.

24 Там же. С. 655.

25 См.: Абросимова В.Н. Селиванов Илья Васильевич // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь / Гл. ред. П.А. Николаев. Т. 5. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. С. 544.

26 См.: Воронин И.Д. Литературные деятели и литературные места в Мордовии. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1976. С. 107–120; Пивцайкина О.В., Сульдина Л.В. Илья Васильевич Селиванов — «чудак», обличивший эпоху. С. 47. Сам Селиванов в предисловии к позднему собранию своих рассказов отмечал, что их сюжеты основаны на реальных уголовных делах (Селиванов И.В. Воспоминания прошедшего: Были, рассказы, портреты, очерки и проч. Вып. 1. М.: Тип. В. Готье, 1868. С. I–III).

однако вопрос о связях и корреляциях между литературной формой повествования о расследовании и теоретическими основами судопроизводства в Российской империи 1850–1860-х годов изучен явно недостаточно²⁷.

Как показывает Е. Правилова, еще за 10–15 лет до судебной реформы 1864 года в российском уголовном судопроизводстве началась смена парадигмы. Ее главным вектором стал постепенный отказ от формальной калькуляции истины с опорой на слова подозреваемого в пользу ее свободного, состязательного поиска на основе улик и опросов²⁸. Движущими силами транзита были сразу несколько факторов. Прежде всего, российская университетская юриспруденция интенсивно развивалась и предлагала новые подходы, которые предполагали переход от устаревшей формальной логики и примата свидетельств самого подсудимого к новому, более современному методу сбора и взвешивания улик и реконструкции происшествия. Наиболее влиятельными пропагандистами нового подхода были профессор Казанского университета Д.И. Мейер (диссертация «О юридических вымыслах и предположениях, о скрытых и притворных действиях», Казань, 1854) и профессор Дерптского университета А.С. Жиряев («Теория улик», Дерпт, 1855), труды которых теоретически обосновали насущную необходимость более широкого учета косвенных доказательств (улик) и тем самым пересмотра всей судопроизводственной практики империи²⁹. Как констатировал в рецензии на диссертацию Жиряева правовед Ф.М. Дмитриев, «вопрос об уликах представляет не один теоретический интерес, он связан почти со всеми существенными практическими вопросами, как например, о составе уголовного суда, о форме уголовного процесса и т.д.»³⁰.

Вторым фактором стал трансфер правоведческого знания и практики из европейских стран: например, в Германии формальная калькуляция в судебной практике была постепенно отменена после революции 1848 года³¹, и профессор Жиряев обильно ссылаясь на немецкую юриспруденцию в качестве необходимого для России ориентира. Наконец, либеральный курс Александра II и гласность конца 1850-х годов открыли возможности для публичного обсуждения конкретных вариантов изменения судебной системы, публикации отчетов о преступлениях, а позже — судебных процессах³².

27 В своем новаторском исследовании К. Уайтхед отмечает, что устройство судебной системы в Российской империи до реформы было архаично и не подразумевало полноценной профессии следователя, которая могла бы стать предшественницей фикциональной фигуры детектива (см.: *Whitehead C. The poetics of early Russian crime fiction...* P. 4). Однако в монографии нет анализа потенциальной корреляции самой юридической теории выявления улик (и дознания) и нарративов об уголовных расследованиях.

28 См.: *Pravilova E. Truth, Facts, and Authenticity in Russian Imperial Jurisprudence and Historiography // Kritika. 2020. Vol. 21. № 1. P. 8–10.*

29 См.: *Ibid. P. 20–21.*

30 *Дмитриев Ф.М. Вопрос об уликах в русской литературе. Теория улик, соч. А. Жиряева. Дерпт, 1855 // Русский вестник. 1856. Т. III. № 10. Май. Кн. 2. Совр. летопись. С. 108.*

31 См.: *Pravilova E. Truth, Facts, and Authenticity in Russian Imperial Jurisprudence and Historiography. P. 24.*

32 К. Уайтхед посвятила отдельную статью вопросу о влиянии социальной публицистики (в том числе о судебной реформе) на формирование жанра уголовной прозы (см.: *Whitehead C. Debating Detectives: The Influence of publitsistika on nineteenth-century Russian Crime Fiction // Modern Language Review. 2012. Vol. 107. № 1. P. 230–258).*

Симптоматично, что одновременно с публикацией художественных рассказов Селиванов попробовал свои силы и на поприще публициста. Он помещал свои статьи не только в ведомственных журналах, но и в «толстых» литературных. Так, в 1860 году в «Библиотеке для чтения» за полным именем Селиванова вышел цикл из двух статей «Практические заметки делового человека», на конкретных примерах обосновывающий необходимость судебных реформ. Апеллируя к духу закона, а не к его мертвой букве, Селиванов провозглашал насущную потребность в изменении кассационных судов по французской модели, строгое отделение судебной власти от исполнительной, выступал против формалистики в трактовке законов Российской империи и, конечно же, призывал к «свободе изустного слова»³³ и гласности. Во второй статье с высоты собственного опыта Селиванов отстаивал императив поиска психологической истины, который должен быть руководящим принципом любого судьи:

Но все-таки в большинстве случаев наружность редко обманывает: у преступника неслучайного всегда есть какая-нибудь черта, которая изобличает его. Подметить эту черту, найти связь ее с случившимся событием, объяснить себе причину этого события, проследить, одним словом, насколько оно возможно, каким образом проявилась мысль преступления, как она разрослась, окрепла, созрела в душе преступника до самой роковой минуты <...> вот задача судьи, вот то, что должен он сделать в уме своем и сердце, прежде нежели подпишет приговор³⁴.

На наш взгляд, несколько идеализируя рутинную деятельность судей, Селиванов тем не менее довольно точно описывает, очевидно, как свой судейский этос, так и, как ни странно, один из жанровых принципов, лежавший в основании «уголовного романа» в России второй половины XIX века. Речь идет о раскрытии психологии преступника как о фокусе повествования или, как это остроумно сформулировала Л. МакРейнолдс, акцент на вопросе: «Почему сделал?» — вместо: «Кто сделал?»³⁵.

В итоге в творчестве Селиванова конца 1850-х годов сложилось две разновидности уголовных рассказов. Первая охватывает тексты о коррупции («Волчья долина», «Камень» и др.), в центре которых находится сам механизм преступного сговора криминального мира и правоохранительных органов (например, повальное взяточничество чиновников и, в частности, судей). Вторая группа текстов образует в тесном смысле слова «уголовные» рассказы, целью которых было не только увлечь читателя круто закрученной уголовной интригой, но и дать примеры правильных и справедливых расследований. Так, например, в финале рассказа «Замечательное психологическое явление» Уголовная палата не утверждает обвинительный приговор Тулубину, оставляя его в подозрении, поскольку он отрицал вменяемое ему в вину убийство возлюбленной. Повествователь приветствует такое решение палаты, поскольку, согласно су-

См. также монографию Т.Ю. Борисовой о культурных истоках судебной реформы: (Борисова Т.Ю. Когда велит совесть: Культурные истоки Судебной реформы 1864 года в России. М.: Новое литературное обозрение, 2025. С. 438–439).

33 Селиванов И.В. Практические заметки делового человека. Статья 1 // Библиотека для чтения. 1860. Т. 158. № 1. С. 10.

34 Селиванов И.В. Слово и дело. Практические заметки делового человека // Библиотека для чтения. 1860. Т. 158. № 4. С. 5.

35 См.: McReynolds L. «Who Cares who Killed Ivan Ivanovich?»: The Literary Detective in Tsarist Russia // Russian History. 2009. Vol. 36. P. 391–406.

дебной практике того времени, судьи могли «продавить» приговор Тулубину, но не сделали этого. Антиформализм такого решения воплощает те принципы, которые Селиванов пропагандировал на страницах «Библиотеки для чтения».

Примечательно, что у «провинциального чудака» нашлись последователи. В 1861–1862 годах, судя по всему, реальный сыщик Московской полиции Михаил Матвеевич Максимов (о нем почти ничего пока не известно) выпустил сборник рассказов «Московские тайны. Рассказ сыщика», который был посвящен Селиванову: «Его высокоородию И.В. Селиванову с глубочайшим уважением и преданностью»³⁶. Этот сборник считается одним из первых в России образцов жанра «рассказов сыщика» и повествует о раскрытии преступных дел из жизни московских мошенников и воров³⁷.

Таким образом, соотнесение, с одной стороны, истории уголовных рассказов, а с другой — истории судопроизводства в Российской империи в 1850-е годы приводит к осторожной гипотезе о корреляции между ними. Если выразиться точнее, то речь идет о том, что состязательная система суда и открытый поиск истины при расследовании преступлений создает более благоприятные условия для возникновения жанра уголовного романа и — в перспективе — детектива. Судя по всему, этим обстоятельством обусловлено первенство Великобритании, США и Франции в зарождении и бурном развитии жанра (творчество Э. А. По, Э. Габорио и А. Конан-Дойла) и более позднее его складывание в странах типа Германии и России, где судебные реформы прошли существенно позже. Именно поэтому гипотеза Л. Ботански о решающей роли национального государства с его императивом гомогенности и четких национальных границ в период расцвета глобального капитализма сама по себе не может объяснить различную скорость развития детективного жанра в разных государствах Европы и Северной Америки³⁸. Гораздо более вероятно, что внутри неопределенно широкой концептуальной рамки должны были существовать более локальные социокультурные факторы, стимулировавшие поиск новых жанровых форм в одних странах и тормозившие его в других.

Почему уголовная проза в России началась с простонародья?

Широко распространенная точка зрения объясняет зарождение уголовного и детективного жанра высокой степенью урбанизации в Европе (формирование городской среды) и утверждением правопорядка и безопасности в качестве основных приоритетов государства, стоящего на страже общественного спокойствия³⁹. Болтански добавляет к этому глобализацию капитализма и оформление национальных государств, стремящихся к гомогенности и законности. Когда мы подходим с такого рода параметрами к ситуации в Российской империи середины XIX века, возникают нестыковки. По сравнению с высоким

36 Максимов М.М. Московские тайны. Рассказ сыщика. М.: Тип. П. Глушкова, 1862.

37 См.: Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту... С. 298.

38 Болтански Л. Тайны и заговоры / Пер. с фр. А. Захаревич; науч. ред. О. Хархордин. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2019. С. 16–17.

39 См.: Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту... С. 295–296; Whitehead C. The poetics of early Russian crime fiction...

(до 30–40%) уровнем городского населения в лидере европейской урбанизации Великобритании, доля городского населения в Российской империи в 1860–1880-е годы составляла всего 11–12%⁴⁰. Если можно говорить о складывании модернизированной городской среды, то лишь в крупнейших городах империи с населением более 100 тыс. человек — Петербурге, Москве и Одессе⁴¹. Что касается национализации социального и политического пространства в гетерогенной и полиэтнической империи с множеством окраин и поразному управляемых разноукладных регионов, то вряд ли она происходила в достаточной и сопоставимой с европейским уровнем степени до Великих реформ. Освобождение крестьян и введение таких внесловных институтов, как суды и земства, конечно же, способствовали унификации управления и выравниваю гражданских прав, однако не могли полностью сгладить конфессиональное, этническое и любое другое социальное неравенство, о чем неоднократно писали историки. Тем не менее начиная со второй половины 1860-х годов жанры уголовной и детективной прозы начали интенсивно складываться на материале петербургской, московской и даже одесской городской преступности (ср. роман «Одесские катакомбы» В. Правдина-Антонова, 1874).

Каково же место рассматриваемых здесь деревенских рассказов в этом преимущественно городском ландшафте? Тексты Писемского и Селиванова 1850-х годов с их сельским местом действия представляют собой раннюю стадию формирования жанра уголовной прозы в Российской империи. Она оказалась возможной благодаря по меньшей мере двум факторам: с одной стороны, бурному подъему жанра рассказа из крестьянского быта с его обостренным этнографическим интересом к крестьянскому и простонародному образу жизни⁴², а с другой — за счет фундаментального отличия крестьянского «обычного права» от кодифицированного сверху законодательства империи. Рассмотрим их по порядку.

1850-е годы, и особенно их вторая половина, стали подлинным бумом интереса образованной публики к крестьянскому вопросу и литературной теме, в частности. Десятки новых рассказов о крестьянах в год, появление отдельного «крестьянского романа» в творчестве Д.В. Григоровича и А.А. Потехина (1853), зарождение народных драм у того же Потехина и Писемского, эскалация и русификация патриотизма через обращение к психологии крестьян в театре и литературе эпохи Крымской войны — эти и многие другие литературные и общественные факты являются свидетельствами огромной социальной значимости крестьянской проблематики в публичной сфере накануне реформ. Пристальное внимание к простонародью привело к формированию целого спектра крестьянских образов — от радикального представления крестьян как «темной» и «звероподобной» массы до идеализированной святости⁴³. В свете нашего сюжета особенно важно, что общественный запрос на обсуждение темных сторон быта и психологии крестьян, в сущности, возник

40 См.: Вишневский А.В. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. С. 84.

41 Там же. С. 85.

42 См.: Вдовин А.В. Загадка народа-сфинкса. Рассказы о крестьянах и их социокультурные функции в Российской империи до отмены крепостного права. М.: Новое литературное обозрение, 2024. С. 244–256.

43 См. подробнее: Там же. С. 391–421.

только после 1855 года и был удовлетворен прозой М.Л. Михайлова и особенно Н.В. Успенского, однако почву для их направления подготовили рассказы Писемского. Рассказы Селиванова также вписывались в моду на «правду без всяких прикрас» (Н.Г. Чернышевский) и «обличительную литературу» второй половины 1850-х годов⁴⁴, приоткрывая читателям завесу над уголовной стороной жизни крестьян. Здесь Селиванов, как никто другой из литераторов, обладал уникальным знанием о реальных расследованиях преступлений в крестьянской и простонародной среде и мог предложить ответ на вопрос, что скрывается в глубинах сознания этих закрытых для внешнего городского туриста-наблюдателя личностях. В отличие от Н.А. Полевого, М.П. Погодина, В.И. Даля, В.А. Соллогуба и других авторов, делавших кульминацией сюжета совершаемые крестьянином кражу или убийство, преступление у Селиванова образует лишь завязку истории. Основной интерес выпадает на процесс расследования, который не только раскрывает перед читателем трагические обстоятельства злодеяния, но и погружает в мир страстей и аффектов, ни в коей мере не чуждых крестьянам.

Признание загадочности души и вытекающая из него особая повествовательная техника непрозрачного мышления были важнейшими тропами и особенностями прозы о крестьянах, отличавшими ее от изображения других сословий. Для создания эффекта недоступности сознания крестьян для наблюдения и понимания часто использовался риторический прием паралипсиса, когда говорящий риторически уклоняется от описания чего-либо, но при этом все равно это описывает⁴⁵. Селиванов тоже обращается к этому проверенному средству — для того, чтобы скрыть от читателя созревание преступного плана, например, Лизаветы в «Замечательном психологическом явлении»:

Чем веселее была Катя, тем мрачнее была Лизавета. Сурово и угрюмо смотрела она на радость сестры, и ни ласки ее, ни ласки Тулубина, ни эта простая, открытая болтовня этих бесхитростных сердец, собравшихся сюда во имя взаимной любви, — ничто не могло вывести ее из тревожного состояния. Недовольна ли она была окружающей их нищетой, завидовала ли сестре, готовой из мещанки сделаться чиновницей, боялась ли этой перемены состояния сестры своей в том предположении, что жена секретаря земского суда будет чуждаться сестры мещанки, и она останется одна в миру — *это неизвестно*. Или, *может быть*, припоминала она прошедшее, в котором, по словам скандальной хроники, было что-то вроде увлечения, прошедшее, о котором она говорила неохотно, даже сердилась, когда о нем спрашивали ее (курсив здесь и далее мой. — А.В.)⁴⁶.

В другом рассказе «Два трупа» повествователь тем же образом создает дополнительное напряжение, умалчивая, что на самом деле происходило между отцом и его сыном Емельяном (убийцей), в чем состоял истинный смысл их сговора:

44 Обсуждение рассказов Селиванова в ее контексте выходит за рамки статьи, но важно отметить, что современники восприняли «Провинциальные очерки» в контексте «Губернских очерков» Щедрина и часто причисляли его к «обличителям» (см.: Абросимова В.Н. Селиванов Илья Васильевич. С. 545).

45 См.: Veraldi D., Cushman S. Paralepsis // The Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics. Princeton: Princeton University Press, 2012. P. 997.

46 Селиванов И.В. Провинциальные воспоминания. С. 217.

Эта страшная, немая сцена продолжалась бы долее, ежели б не взмошел отец, и одним взглядом, мрачным и грозным, не выкинул, так сказать, девушек из избы, оставшись с сыном один. Под этим взглядом сын вздрогнул; судорожно повернулся он на своей постели: хриплые, гортанные звуки его изобличили страшную внутреннюю тревогу; он проводил глазами уходящих девушек с какой-то мольбой отчаяния и, когда они ушли, бессильно упал на подушку...

Что происходило между отцом и сыном — *это знает только один Бог-сердцеведец*⁴⁷.

Частичное умолчание выполняет здесь двойную функцию: оно, с одной стороны, вписывает изображаемых в тексте героев в уже известную читателю традицию исследования «загадочной» крестьянской души (согласно пословице «чужая душа — потемки»), а с другой — поддерживает интригу расследования, выдерживаемую до самого конца. Ограничения, накладываемое жанром детектива на глубину проникновения в сознание персонажей, отрефлексированы историками жанра⁴⁸. Реалистический тип психологизма вредит детективу⁴⁹. Добавим от себя, что речь идет о нарративной технике конструирования «прозрачного мышления» (*transparent minds*), введенного Д. Кон для описания и объяснения того, как в прозе начиная с эпохи реализма репрезентируется способность нарратора давать читателям доступ в мельчайшие движения души и мышления героев⁵⁰.

Теперь пришло время обратиться ко второму фактору, повлиявшему на зарождение уголовной прозы о крестьянах. Многочисленные исследования сельского правосудия, основанного на традиции и религии, показывают, что лишь в конце 1850-х — начале 1860-х годов российские юристы и законоведы обратили внимание на крестьянское обычное право как специфический социальный институт и одновременно как на препятствие на пути к внеслововому правосудию⁵¹. Так, известный историк русского права и юрист Н.В. Калачов в 1859 году отмечал, что в преддверии крестьянской реформы, когда «крестьяне готовятся получить юридическую самостоятельность», серьезно встает вопрос, что делать с их понятиями, убеждениями и обычаями решать многие домашние и общественные дела «своим приговором, своим судом»⁵². Хотя многие помещики и даже административные власти признавали их ничтожными, между самими крестьянами эти установления имели силу непреложного закона. «Любопытно сохранить их, — продолжал Калачов, — их как *исторический памятник юридических понятий, живших и развивавшихся самобытно в крепостном сословии*»⁵³. Допуская, что они вскоре уйдут в прошлое и будут замещены «положительным законом», юрист на самом деле ошибался. Подъем интереса к обычному праву в 1860–1870-е годы и

47 Там же. С. 644.

48 См.: *Моисеев П.А.* Поэтика детектива. С. 11, 18.

49 См.: Там же. С. 22.

50 См.: *Cohn D.* Transparent Minds: Narrative Modes for Presenting Consciousness in Fiction. Princeton: Princeton University Press, 1978.

51 См., например: *Безгин В.Б.* Мужичья правда. Обычное право и суд русских крестьян. М.: Common Place, 2017. С. 18.

52 *Калачов Н.В.* Юридические обычаи крестьян в некоторых местностях. Ст. 1 // Архив исторических и практических сведений, относящихся к России / Изд. Н. Калачов. Вып. 2. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1859. С. 15.

53 Там же. С. 16.

попытки законников выявить и систематизировать традиционные судебные практики, варьирующие от региона к региону, свидетельствовали о том, что крестьяне не спешили подчиняться писаному официальному праву империи⁵⁴. Напротив, как отмечает исследователь, в реальности имело место скорее формальное признание высшими судебными инстанциями многих крестьянских обычаев. Так, например, в пореформенную эпоху при рассмотрении имущественных споров Правительствующий Сенат чаще подтверждал приоритет семейного, а не частного владения имуществом. Это означало доминирование режима общей семейной, а не частной собственности⁵⁵. И таких примеров было множество.

Таким образом, вышедшее на поверхность и осознанное обществом в 1850–1860-е годы сосуществование современного имперского закона и патриархального традиционного обычая не могло не привести к появлению особых символических форм осмысления противоречий между ними. Одной из них и стали уголовные рассказы о крестьянах и простонародье. С их помощью у образованной элиты появилась возможность осмыслить не только повседневные практики разрешать конфликты в мирском обществе, но и драматический зазор между законом и справедливостью. То, что по крестьянским понятиям было «справедливым», могло не являться таковым по формальному закону, и наоборот. Уголовные рассказы открывали читателям целый мир крестьянских обычаев, которые демонстрировали укорененность в их сознании древней категории «греха», страх или слабость перед нечистой силой, а также уникальные практики типа снохачества, не имевшие аналогов у других сословий. Так, выше уже упоминался пример из «Двух трупов», в которых становой и священник рисуют подозреваемому Емельяну картины Страшного суда и вечных мучений, угрожая запереть его на всю ночь вместе с смрадными останками расчлененной им жены и пробуждая в нем страх Божий. В более позднем рассказе «Преступница» (первая публикация — 1861), построенном в виде последовательного описания преступления (прием саспенса), а не расследования, Селиванов проблематизирует страшные последствия снохачества. Акулине, подвергнувшейся домогательствам свекра, не верят ни муж, ни представители мира, ни священник, в итоге принимающий сторону мужчины. Доведенная до отчаяния, она травит свекра мышьяком. Старая норма торжествует, потому что власть мужчин над женщинами освящена традицией и ничто не может ее поколебать⁵⁶.

К этому следует добавить, что и после крестьянской и судебной реформ, во время расцвета уголовной прозы, авторы нередко делали местом действия крестьянскую среду. Расследование преступлений в деревне изображено в «Уздечке конокрада», «Подневольном браке» и «Хотели предать суду и воле Божией» П.А. Степанова (все 1862, вошли в его сборник «Правые и виноватые», 1869), в рассказах и повестях «Помочь» (1872), «Убийство в деревне Медведи-

54 См.: Безгин В.Б. Мужичья правда... С. 39–46.

55 См.: Там же. С. 47–49.

56 Селиванов И.В. Воспоминания прошедшего: Были, рассказы, портреты, очерки и проч. Вып. 1. С. 33–61. Характерно, что в финале рассказа суд смягчает приговор Акулине и приговаривает всего лишь к ссылке, освобождая от телесного наказания. «Приговорил ли бы ее суд присяжных? Может быть, и нет!», — прибавляет Селиванов в издании 1868 года (по сравнению с первой публикацией 1861 года в журнале «Век», № 9), намекая на пользу судебной реформы 1864 года.

це» и «Убийство в Мухтоловой роще» (1876) С.А. Панова и др.⁵⁷ Так, например, повествовательная техника «очерка из сельской жизни» «Помочь» Панова наследует традиции Писемского из рассказа «Леший»: рассказчик-дворянин заезжает к своему соседу по имению — судебному следователю Ивану Герасимовичу и становится свидетелем его уголовного расследования смерти крестьянина. Рассказчик до конца сохраняет интригу: лишь в финале расследование и дознание приводит Ивана Герасимовича к убийце — соседу крестьянину⁵⁸. Другой текст того же автора «Убийство в деревне Медведице» построен иначе и находится скорее в русле селивановской модели: по мере раскрытия следователем Андреем Петровичем убийства солдатки Аграфены Грошевой всеведущий повествователь сообщает читателю детали и приводит к непростому обнаружению преступника — офицера Гришанина⁵⁹. Хотя в задачи статьи не входит детальное рассмотрение дальнейшей судьбы «крестьянского» извода уголовной прозы, выскажем предположение, что позже, на рубеже XIX и XX веков, крестьянский локальный колорит был постепенно вытеснен на периферию жанра, который все больше ассоциировался с городской преступностью.

* * *

Ранние уголовные рассказы о крестьянах — в каком-то смысле реликтовый материал, выпавший из поля зрения исследователей и уголовной, и детективной прозы. Возвращая этот пласт литературы в оборот, мы получаем шанс увидеть ранее незаметные особенности самого раннего этапа развития этих жанров в Российской империи. Как я попытался доказать, он возник в 1850-е годы на скрещенье трех больших дискурсивных формаций — прозы о крестьянах, обличительной литературы (и публицистики) и правоведения. Формирование жанра было бы невозможно без социальной инфраструктуры — модернизационного движения в сторону реформ — отмены крепостного права и принципиальных изменений в судопроизводстве (введение должности судебных следователей, приоритет свободного поиска истины и учреждение суда присяжных). Совокупность этих обстоятельств придает российской истории уголовного литературы особый национальный колорит в контексте глобальной истории столь популярного формульного жанра.

Но почему же рассказы Писемского и Селиванова выпали из сложившегося в XX веке уголовного и детективного канонов, если они так важны для его предыстории? Дело в том, что Писемский и чуть в меньшей степени Селиванов не пытались последовательно создавать тексты в каком-то одном жанрово-сюжетном направлении, которое позже назовут уголовным, а в XX веке — еще и детективным. Ничего подобного «Лешему» с исследовательской интригой Писемский затем не написал. Селиванов стоял ближе к будущему жанру, но в трех томах его «Провинциальных воспоминаний» не просматривается единой повествовательной стратегии: одни рассказы написаны в романтическом

57 Все эти произведения анализируются в монографии (см.: *Whitehead C. The poetics of early Russian crime fiction...* (по указателю)).

58 *Панов С.А. Убийство в деревне Медведице* (Юрид. роман); *Помочь* (Очерк). СПб.: А.Ф. Базунов, 1872.

59 Подробнее о прозе С.А. Панова см.: *Whitehead C. The poetics of early Russian crime fiction...* P. 57–58, 74, 193–200.

духе 1830-х, другие — в обличительном очерковом тоне «гласности» и лишь небольшая порция принадлежит к тому, что можно уверенно считать уголовной прозой. Таким образом, ни Писемский, ни Селиванов, в отличие от Соколовского, Степанова, Тимофеева и Панова, очевидно, не осознавали принципиальной новизны своей повествовательной формы и поэтому не ставили перед собой задачи написать в таком стиле целый сборник. А вот упомянутые авторы 1860-х годов уже целенаправленно шли к такой цели. Подобный расклад поразительно напоминает ситуацию, описанную Моретти на примере Конан Дойла и его соперников. Даже после изобретения приема дешифруемых улик «отец» Холмса, судя по всему, до конца не осознавал всей мощи своего открытия и непоследовательно использовал его в своих рассказах⁶⁰.

Наконец, последнее: чтобы быть ближе к некоторому идеальному типу жанра и конкурировать с более поздними его образцами, рассказам Писемского и Селиванова не хватает необходимого антуража вокруг «демиургической» фигуры следователя/сыщика, который при помощи интуиции, разума и дедукции распутывает сложные загадки и преступления на глазах рассказчика или читателя⁶¹. Если Иван Семеныч Писемского наделен некоторыми подобными чертами, то следователи Селиванова безымянны и изображены схематично. В русской уголовной литературе 1860–1880-х годов, как убедительно показывает К. Уайтхед, ситуация изменится, и в ней будет доминировать фигура следователя-рассказчика⁶². По-видимому, за счет нее такие произведения и снискали большую популярность среди читателей. Это еще раз подтверждает, насколько судьбоносным для жизни и литературы было учреждение в России должности судебных следователей в 1860 году.

Библиография / References

Абросимова В.Н. Селиванов Илья Васильевич // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь / Гл. ред. П.А. Николаев. Т. 5. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. С. 544–545.

(Abrosimova V.N. Selivanov Il'ya Vasil'evich // Ruskie pisateli 1800–1917. Biograficheskiy slovar' / Ed. by P.A. Nikolaev. Vol. 5. Moscow, 2007. P. 544–545.)

Безгин В.Б. Мужичья правда. Обычное право и суд русских крестьян. М.: Common Place, 2017.

(Bezgin V.B. Muzhitskaya pravda. Obychnoe pravo i sud russkikh krest'yan. Moscow, 2017.)

Болтански Л. Тайны и заговоры / Пер. с фр. А. Захаревич; науч. ред. О. Хархордин. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2019.

(Boltanski L. Énigmes et complots: Une enquête à propos d'enquêtes. Saint Petersburg, 2019. — In Russ.)

Борисова Т.Ю. Когда велит совесть: Культурные истоки Судебной реформы 1864 года в России. М.: Новое литературное обозрение, 2025.

(Borisova T. Yu. Kogda velit sovest': Kul'turnye istoki Sudebnoy reformy 1864 goda v Rossii. Moscow, 2025.)

60 См.: Моретти Ф. Литературная бойня. С. 117–119.

61 Об этом антураже сыщиков и функции силы разума см. подробнее: Saler M. As If: Modern Enchantment and the Literary Prehistory of Virtual Reality. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 105–129.

62 См.: Whitehead C. The poetics of early Russian crime fiction... P. 76.

- Вдовин А.В. Загадка народа-сфинкса. Рассказы о крестьянах и их социокультурные функции в Российской империи до отмены крепостного права. М.: Новое литературное обозрение, 2024.
- (Vdovin A.V. Zagadka naroda-sfinksa. Rasskazy o krest'yanakh i ikh sotsiokul'turnye funktsii v Rossiyskoy imperii do otmeny krepostnogo prava. Moscow, 2024).
- Вишневский А.В. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998.
- (Vishnevskiy A.V. Serp i rubl': konservativnaya modernizatsiya v SSSR. Moscow, 1998.)
- Воронин И.Д. Литературные деятели и литературные места в Мордовии. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1976.
- (Voronin I.D. Literaturnye deyateli i literaturnye mesta v Mordovii. Saransk, 1976.)
- Зубков К.Ю. «Случайная действительность» в эпоху реформ: «Губернские очерки» М.Е. Салтыкова-Щедрина и проблема литературной репутации // Русский реализм XIX века: общество, знание, повествование / Отв. ред. М. Вайсман, А.В. Вдовин, И. Клигер, К.А. Осповат. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 181–209.
- (Zubkov K.Yu. «Sluchaynaya deystvitel'nost'» v epokhu reform: «Gubernskie ocherki» M.E. Saltykova-Shchedrina i problema literaturnoy reputatsii // Russkiy realizm XIX veka: obshchestvo, znanie, povestvovanie / Ed. by M. Vaysman, A.V. Vdovin, I. Kliger, K. A. Ospovat. Moscow, 2020. P. 181–209.)
- Калачов Н.В. Юридические обычаи крестьян в некоторых местностях. Ст. 1 // Архив исторических и практических сведений, относящихся к России / Изд. Н. Калачов. Вып. 2. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1859. С. 15–28.
- (Kalachov N.V. Yuridicheskie obychai krest'yan v nekotorykh mestnostyakh. St 1 // Arkhiv istoricheskikh i prakticheskikh svedeniy, otnosyashchikhsya k Rossii. Vol. 2. Saint Petersburg, 1859. P. 15–28.)
- Кучерская М.А. Литературная стратегия Лескова: случай «Леди Макбет» // Русская литература. 2017. № 2. С. 40–49.
- (Kucherskaya M.A. Literaturnaya strategiya Leskova: sluchay «Ledi Makbet» // Russkaya literatura. 2017. № 2. P. 40–49.)
- Моисеев П.А. Поэтика детектива. М.: Издательский дом ВШЭ, 2017.
- (Moiseev P.A. Poetika detektiva. Moscow, 2017.)
- Моретти Ф. Литературная бойня // Моретти Ф. Дальнее чтение / Пер. с англ. А. Вдовина, О. Собчука и А. Шели. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. С. 103–137.
- (Moretti F. The Slaughterhouse of Literature // Moretti F. Distant Reading. Moscow, 2016. — In Russ.)
- Пивцайкина О.В., Сульдина Л.В. Илья Васильевич Селиванов — «чудак», обличивший эпоху // Селиванов И.В. Провинциальные воспоминания: Из записок Чудака / Сост., вступ. ст. и коммент. О.В. Пивцайкиной и Л.В. Сульдиной. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2014. С. 7–50.
- (Pivtsaykina O.V., Sul'dina L.V. Il'ya Vasil'evich Selivanov — «chudak», oblichivshiy epokhu // Selivanov I.V. Provintsial'nye vospominaniya: Iz zapisok Chudaka. Saransk, 2014. P. 7–50.)
- Пилев Г.К. Русский детектив: Библиография 1857–1991. М.: Миллиорк, 2009.
- (Piliev G.K. Russkiy detektiv. Bibliografiya 1857–1991. Moscow, 2009.)
- Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
- (Reytblat A.I. Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoy sotsiologii russkoy literatury. Moscow, 2009.)
- Рейтблат А.И. Дореволюционная русская уголовная проза глазами нарратолога // Новое литературное обозрение. 2022. № 175. С. 343–350.
- (Reytblat A.I. Dorevolutsionnaya russkaya ugovolnaya proza glazami narratologa // Novoe literaturnoe obozrenie. 2022. № 175. P. 343–350.)
- Cohn D. Transparent Minds: Narrative Modes for Presenting Consciousness in Fiction. Princeton: Princeton University Press, 1978.
- McReynolds L. «Who Cares who Killed Ivan Ivanovich?»: The Literary Detective in Tsarist Russia // Russian History. 2009. Vol. 36. P. 391–406.
- Pravilova E. Truth, Facts, and Authenticity in Russian Imperial Jurisprudence and Historiography // Kritika. 2020. Vol. 21. № 1. P. 17–39.
- Saler M. As If: Modern Enchantment and the Literary Prehistory of Virtual Reality. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Veraldi D., Cushman S. Paralepsis // The Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics. Princeton: Princeton University Press, 2012. P. 997.
- Whitehead C. Debating Detectives: The Influence of publitsistika on nineteenth-Century Russian Crime Fiction // Modern Language Review. 2012. Vol. 107. № 1. P. 230–258.
- Whitehead C. The poetics of early Russian crime fiction 1860–1917: deciphering stories of detection. Cambridge: Legenda, 2018.
- Whitehead C., Docherty G. Bodies of Evidence: The Depiction of Violence Against Female Characters in Late Imperial Russian Crime Fiction // Modern Languages Open. 2023. Vol. 25. № 1. P. 1–22.